

На этом аргументы Б.Г. Деревенского исчерпываются и, таким образом, все «Евангелие от Петра» относится к IV в. на основании каких-то туманных соображений, касающихся всего двух фраз из этого текста, расположенных, кстати говоря, в непосредственной близости друг от друга (10, 39 и 41). Между тем, на с. 196 сам же комментатор привел ссылку на Оригена (Comm. Math. 10.17, ошибочно указанные как 1.17) и жившего на рубеже II–III вв. антиохийского епископа Серапиона (цитируется Евсевием – Hist. Eccl. 6.12.3–6), которые, не дожидаясь ни наступления IV в., ни превращения христианства в государственную религию, все же упоминают якобы еще не написанное к их времени «Евангелие от Петра». Разумеется, эти упоминания вступают в решительное противоречие с предложенной комментатором поздней датировкой этого апокрифа. Эту созданную им же самим проблему Б.Г. Деревенский пытается решить следующим образом. Его поздняя датировка «конечно, не исключает существования других иудео-христианских²¹ "Евангелий от Петра", принадлежащих более раннему времени, которые имели в виду Ориген и епископ Серапион» (с. 198). Как можно видеть, комментатор не чувствует необходимости *доказывать*, что помимо дошедшего до нас «Евангелия от Петра» существовал и другой, более ранний и впоследствии утраченный, апокриф под тем же названием, и даже примечательным образом не скупится на множественное число, говоря о «других "Евангелиях от Петра"». При таком подходе к делу что мешает предположить, скажем, что Ориген имеет в виду одно несохранившееся «Евангелие от Петра», а Серапион – другое, Евсевий же, цитируя Серапиона, думает о третьем и т.д.?

Подводя итог всему сказанному, приходится констатировать, что как содержательная, так и просто техническая сторона научного комментария в данной антологии в целом вполне подтверждает то неблагоприятное суждение, которое уже было высказано на основе анализа переводов, цитат и состава сборника. Во вступительной статье Б.Г. Деревенский так определил задачу своей книги: «Это своеобразное пособие всем изучающим Новый Завет, вне зависимости от того, историк ли это, религиовед, богослов или просто верующий» (с. 12). Очевидно, ни одной из поставленных целей данная книга не может служить.

А.В. Серегин

© 2002 г.

The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology / Ed. Gocha R. Tsetskhladze. Stuttgart: Steiner, 1998 (Historia: Einzelschriften. Ht 121). 336 S. 44 Abb.

В последние десятилетия предметом плодотворных исследований ученых разных стран являются разнообразные проблемы греческой колонизации бассейна Черного моря. Несмотря на огромное количество публикаций, они все еще далеки от окончательного решения, так что появление каждой новой работы не может остаться незамеченным. В этом плане несомненный интерес представляет рецензируемый сборник, включающий вступительную статью редактора Г. Цецхладзе и 16 статей, из которых Западному Причерноморью посвящены 5 (М. Вассилева, А. Фол, М. Лазаров, К. Панайотова, А. Аврам), Северному – 6 (Ю. Виноградов, М. Трейстер, Дж. Бордман, С. Соловьев, С. Сапрыкин, Г. Кошеленко и В. Кузнецов), Южному – 1 (А. Иванчик), Восточному – 2 (Д. Ашер, Д. Браунд). Статья Дж. Хайнда касается Западного и Северного регионов.

В предисловии (с. 7–8) определены причины появления сборника, объединившего усилия исследователей Востока и Запада в изучении проблем греческой колонизации Черного моря. Упор был сделан на синтезирующий характер исследований, представленных работами археологов, эпиграфистов, историков и лингвистов. Дискуссионность отдельных статей, сложность исторических интерпретаций в связи с постоянно растущим объемом археологических данных были специально оговорены.

²¹ Не совсем понятно, почему на с. 198 Б.Г. Деревенский говорит именно о «других иудео-христианских "Евангелиях от Петра", которые имели в виду Ориген и епископ Серапион», если на с. 196 упоминаемое Серапионом «Евангелие» было справедливо охарактеризовано как докетическое, а в прим. 93 на с. 197 он сам же противопоставляет «мнение о иудео-христианских корнях» «Евангелия от Петра» и «влияние докетов».

Целью статьи Г. Цецхладзе «Греческая колонизация черноморского региона: этапы, модели и местное население» (с. 9–68) явились демонстрация достижений исследователей Востока и Запада в изучении греческой колонизации (в связи с чем эта работа носит во многом реферативный характер), рассмотрение взаимоотношений греческих колоний с местным населением в архаический и классический периоды и определение общих и конкретных черт каждого региона Черного моря. Помимо этого автором был высказан ряд соображений, которые требуют подробного рассмотрения, тем более что большая их часть базируется на материалах северпричерноморских памятников.

Прежде всего, трудно согласиться с позицией автора относительно однородного характера развития ранних греческих поселений на Понте по единой схеме «апойкия–полис». Апойкия, по его мнению, предшествовала конституированию полиса и, будучи характерной для переходного периода (от основания до середины VI в. до н.э.), отражала их еще не известный политический статус (с. 16). Непонятно, правда, – кому неизвестный. Проблему политического статуса ранних поселений нельзя решать в столь односторонне-нивелирующем порядке. Современный уровень знаний о памятниках, по крайней мере Северного Причерноморья, дает возможность говорить об их изначально разном статусе. Некоторые из них однозначно основывались как полисные центры. И если для Ольвии по этому вопросу согласия среди исследователей еще нет¹, хотя, с моей точки зрения, Ольвия основывалась сразу именно как центр будущего полиса, то в отношении городов европейского и азиатского Боспора эта гипотеза пока никем не оспорена².

Не соответствует действительности и утверждение о том, что «практически все понтийские колонии, по крайней мере, от середины – последней четверти VI в. до н.э. обладали физическими атрибутами полиса (культовыми местами, общественными постройками, каменными источниками и т.д.» (с. 16–17). Прежде всего отмечу, что перечисленные показатели урбанистического развития не являются сами по себе атрибутами полиса, поскольку ими, как правило, обладали и неполисы³. Более того, только на четырех (!) памятниках региона – Истрии, Борисфене (о-в Березаны), Ольвии и Нимфее в настоящее время раскопаны *in situ* культовые участки второй половины VI в. до н.э., прочие же сооружения общественного характера неизвестны не только для VI, но и для V в. до н.э. В данном случае было бы гораздо полезнее не голословно экстраполировать современные теоретические разработки на памятники региона, а проанализировать, насколько археологические реалии им соответствуют.

Трудно согласиться и с выводом автора об отсутствии торговых интересов Афин в причерноморском регионе, имея в виду массовые находки аттической керамики. Анализ маркированных граффити на аттической керамике, происходящей в основном из памятников Западного Средиземноморья, написанных на ионийском диалекте, дал повод для вывода о посредничестве ионийских торговцев в бытие массовой продукции аттических мастерских⁴. Вывод этот интересен, но для того, чтобы полностью перенести его на причерноморский регион, как это сделал Г. Цецхладзе, нужны по крайней мере аналогичные доказательства. А. Джонстон при анализе того немногочисленного материала, которым он располагал по данному региону, выделил в основном пометки владельцев этих сосудов⁵. Нет никаких оснований и для заключения о посреднической роли Эгины в доставке коринфской керамики, по мнению автора, немногочисленной в Причерноморье (с. 52). Более того, каждому полевому археологу хорошо известно, что коринфский импорт был малочислен лишь в первой, но не во второй половине VI в. до н.э. Вывод о посреднической роли ионийцев в торговле между Атикой и Понтом в VI – первой половине V в. до н.э. должен быть подкреплен аргументацией, а утверждение об отсутствии торговых интересов Афин в этом регионе в течение полутора столетий, – как минимум, анализом общей экономической ситуации и политики центров, заинтересованных в торговой гегемонии на черноморском рынке.

¹ Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 6 сл.

² Виноградов Ю.Г. О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 65–69.

³ По вопросу о том, какие общественные сооружения надежно определяют наличие полисных институтов, см. *Hansen M.H., Fischer-Hansen T. Monumental Political Architecture in Archaic and Classical Greek Poleis. Evidence and Historical Significance // From Political Architecture to Stephanus Byzantius: Sources for the Ancient Greek Polis / Ed. D. Whitehead (Historia: Einzelschriften. Ht 87). Stuttgart, 1994. S. 23 ff.; Miller S.G. Architecture as Evidence for the Identity of the Early Polis // Sources for the Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre / Ed. M.G. Hansen. V. 2. Copenhagen, 1995. S. 201 ff.*

⁴ Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. Warminster. Wiltshire, 1979. P. 51.

⁵ Ibid. P. 18.

Рассуждая о роли расписной импортной посуды в греческих городах региона, автор рассмотрел лишь одну форму ее использования в качестве храмовых приношений с целью доказать, что расписная керамика, предназначенная для культовых целей, не была предметом торговли с варварскими племенами. Однако попытка объяснить ее попадание к скифам результатом разрушения скифами греческих центров (с. 53–54), имевшим место в архаическое время, приводя, к тому же, в качестве примера килик с посвящением Аполлону, найденный в Журовском кургане, бездоказательна. В частности, этот сосуд с двойной эпилезой Аполлона (Дельфиний-Иетрос) мог попасть туда только из Ольвии, в пантеоне которой зафиксировано их синхронное существование⁶, но где какие-либо разрушения, как, например, на Боспоре, для этого времени не зафиксированы. Кроме того, храмы архаического времени известны еще далеко не во всех причерноморских центрах, а тарелки с отверстиями для подвешивания (по мнению автора, это один из признаков их храмового назначения) привозились уже в первой половине VI в. до н.э., когда храмы еще не строились. Расписная керамика имела скорее всего столь же полифункциональное (и прежде всего утилитарное) назначение, как и во всем греческом мире.

Странное впечатление производит и попытка автора произвести количественные подсчеты аттической керамики, найденной в понтийском регионе, от VI по IV в. до н.э. (с. 56). Подсчет такого массового материала, каким была аттическая столовая посуда, по публикациям некорректен в принципе и не дает даже приблизительных цифр. Следует учитывать, что подавляющее большинство такой керамики, происходящей из северопричерноморских центров, которые активно раскапываются каждый год, не опубликовано, а на памятниках Южного Причерноморья проводятся лишь спорадические раскопки. Не требуется такая грандиозная работа и для того, чтобы доказать меньшую популярность расписной аттической посуды среди местного населения по сравнению с металлической посудой и украшениями, с одной стороны, и масштабами ее употребления в греческих центрах – с другой (удивительно, если бы наблюдался обратный процесс).

Кроме того, рассматривать вопросы торговли греческих городов Черноморского бассейна как со Средиземноморьем, так и варварским миром только на основании находок аттической посуды также неверно. Расписная керамика аттического производства, независимо от ее функционального назначения, составляла важную статью импорта во всем греческом мире, однако номенклатура ввозимых в причерноморские колонии изделий только ею не ограничивалась, а сама по себе она не является единственным источником для обобщающих выводов о роли торговли в экономике региона. Если автор рассматривает вопросы торговых отношений по IV в. до н.э. включительно, то следовало бы также упомянуть и межполюсную торговлю внутри Черноморского бассейна, о чем речь не идет в принципе.

В заключение (с. 67–68) неожиданно звучит вывод о двух моделях колонизации, реализованных в регионе, – ионийской и дорийской, что совершенно не следует из текста статьи. Об этом необходимо было сказать вначале, при рассмотрении теоретических проблем, разработанных по материалам именно северопричерноморских памятников. Кроме того, трудно согласиться со взглядом автора на развитие экономики греческих причерноморских колоний. Сложную систему торгово-обменных отношений с варварским миром, с одной стороны, и Средиземноморьем – с другой, которая, к тому же, не была стабильной со второй половины VII по IV в. до н.э., нельзя сводить к вопросу: была расписная керамика предметом торговли или нет. Рассуждая об экономической основе, вряд ли следует начинать с рыболовства – оно, равно как и торговля керамикой, не являлось причиной быстрого развития сельскохозяйственных зон со второй половины VI в. до н.э. Безусловно, роль торговли нельзя абсолютизировать, но нельзя и недооценивать, что в результате и получилось у автора, еще в начале работы поставившего перед собой задачу рассмотреть «понтийские греческие города как независимые единицы с их собственной *diminutive* экономикой, не очень зависящей изначально от морской торговли или торговых связей с местным населением» (с. 10). Такому заключению противоречит весь известный в настоящее время массовый археологический материал, относящийся к самому раннему периоду, т.е. второй половине VII – первой половине VI в. до н.э., количество которого не может быть объяснено ни потребностями в подарках местной племенной элите, ни развитием рыболовства.

Идея демонстрации достижений восточных исследователей в одной (хоть и большой) статье привела к тому, что по ряду принципиальных, действительно дискуссионных вопросов зачастую приведены взаимоисключающие точки зрения, что искажает реальную картину изученности проблем греческой колонизации региона. Кроме того, статья перенасыщена лишними для

⁶ Русяева А.С. Проникновение эллинов на территорию Украинской лесостепи в архаическое время (К постановке проблемы) // ВДИ. 1999. № 4. С. 92.

такой работы деталями, к тому же во многом дублирует напечатанные далее статьи по отдельным регионам. Разделы, посвященные Северному Причерноморью, археологически лучше всего в настоящее время изученному, изобилуют значительным количеством досадных фактических ошибок и некорректными ссылками на литературу – это касается и характера взаимоотношений с варварским населением, и многочисленных проблем развития сельских округ, и хронологии памятников в целом.

Среди статей, посвященных Западному Причерноморью, статья М. Лазарова «Заметки по греческой колонизации Западного побережья Черного моря. Письменные источники и археологические памятники» (с. 85–95), пожалуй, наиболее точно отвечает теме сборника. Отдельно для каждого центра на болгарском побережье Черного моря (Аполлония Понтийская, Анхиаль, Месамбрия, Одессос, Дионисополь, Бизоне, Карон Лимен), разобраны литературные источники, дана краткая история исследования, выделены наиболее ранние археологические материалы, по которым зачастую и определяется начало жизни в них, поскольку многие находятся под современными городами, подвергаясь лишь спорадическим раскопкам. Поставлена проблема местного фракийского населения в греческих городах рассматриваемого региона.

Статьи М. Вассилевой «Представления греков о Севере и Востоке: овладение черноморской территорией» (с. 69–77) и А. Фола «Понтийские взаимодействия: культ Сабазия» (с. 79–84) посвящены исследованиям мифологических представлений греков как о народах, обитавших по черноморским проливам и на территориях, лежавших за ними, так и феномену этно- и социокультурных взаимосвязей пришлого и местного населения на примере сикретического культа фрако-фригийской Великой Богини-Матери и ее сына Загрея-Сабазия.

В статье К. Панайотовой «Аполлония Понтийская: последние открытия на некрополе» (с. 97–107) обобщены результаты охранных раскопок, проведенных автором, – подробно исследован погребальный обряд, классифицированы типы погребальных сооружений, в том числе связанные с поминально-ритуальной обрядностью, выделены семейные участки могильника. Интересно наличие скорченных погребений – география распространения этого типа погребений и их количество в греческих некрополях Причерноморья увеличивается. Основной массив погребений датируется IV веком до н.э. Однако, несмотря на профессионально обработанный материал, статья слабо связана с тематикой сборника. То же следует сказать и об интересной работе А. Аврама «П. Винициус и Каллатис. К началу римского контроля греческих городов западного побережья Понта Эвксинского» (с. 115–129). Круг проблем, связанных с греческой колонизацией региона, имеет все-таки достаточно четко очерченные хронологические и смысловые рамки.

Статьи, посвященные северопричерноморской проблематике, занимают наибольший объем и охватывают общие и частные проблемы колонизации региона. Среди первых наиболее удачна статья Г. Кошеленко и В. Кузнецова «Греческая колонизация Боспора» (с. 249–263). Она имеет четкую структуру, соответственно которой последовательно рассмотрены природные условия и палеогеографическая ситуация накануне колонизации, краткая история изучения колонизации Северного Причерноморья и Боспора как его части, ранние археологические материалы, письменные источники, этнополитическая ситуация. Предложенная периодизация освоения азиатской части Боспора позволяет говорить не только о внутренней колонизации, но и об определенных закономерностях протекания колонизационного процесса, связанного с событиями в метрополии – аналогичная картина наблюдается повсеместно и в северо-западном регионе. Верно отмечено несоответствие между сведениями античных авторов о Милете как метрополии большинства колоний и массовом раннем материале из них, имеющем североионийское происхождение. Эта общая для региона проблема еще ждет своего решения. Заслуживает внимания попытка объяснить диспропорцию в количестве аграрных поселений VI в. до н.э. на азиатской и европейской сторонах Боспора зависимостью от физического присутствия варварского населения по материалам погребений.

Статья С. Сапрыкина «Основание Таврического Херсонеса» (с. 227–248) в значительной степени посвящена полемике с исследователями, придерживающимися гипотезы об основании Херсонеса как геракльской колонии в последней четверти VI в. до н.э.⁷ С его точки зрения, поселение, присутствие которого на месте будущего дорийского Херсонеса засвидетельствовано керамикой позднеархаического и раннеклассического времени, имеющей в большинстве своем ионийское происхождение, возникло в результате внутренней колонизации Ольвийского полиса (с. 236–237).

⁷ Vinogradov Ju., Zolotarev M. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Ponté-Euxin vu par les Grecs / Ed. P. Lévêque, O. Lordkipanidzé. P., 1990.

Специфика археологической ситуации Херсонеса состоит в том, что указанная керамика найдена в более поздних слоях⁸. Отсутствие синхронных строительных остатков – это еще не решенная проблема археологии Херсонеса. Решать ее необходимо в будущем археологическими методами, иначе все теоретические построения просто лишены оснований. Аргументы автора в пользу «ольвийской» колонизации заключаются в находках ольвийских монет, фрагмента рельефа аттического типа, напоминающего рельеф из Ольвии, и граффито, содержащего фрагмент киклической поэмы, аналогичное найденному в Ольвии (с. 236). Представляется, что делать вывод о внутренней колонизации Ольвии с начала V в. до н.э., опираясь на находку двух литых бронзовых монет рубежа третьей–четвертой четвертой V в. до н.э., по меньшей мере несерьезно. А если вспомнить, что за пределами Ольвийского полиса, помимо Херсонеса, аналогичные литые монеты найдены еще в двух городах – Истрии⁹ и Афинах¹⁰, то цепь логических умозаключений можно множить бесконечно... Другие аргументы не более доказательны.

Говоря о физическом присутствии ольвиополитов в Северо-Западной Таврике в V в. до н.э. (а эта идея имеет как своих сторонников, так и противников), вероятно, следовало бы вспомнить и о расположенном намного ближе к Херсонесу другом ионийском полисе – Керкинитиде, возникшем во второй половине VI в. до н.э., и посмотреть на проблему ионийского освоения побережья Западной Таврики не столь односторонне. Само же предполагаемое присутствие ольвиополитов в Западной Таврике автор «омолаживает», причем, как минимум, на полстолетия, но непонятно – на каком основании? Отмечу и в целом невнимательное отношение автора к археологическим датировкам. Его скепсис относительно трактовки объектов, врезанных в скалу, в качестве жилищ (по мнению автора, это карьеры для добычи камня, использованного затем в наземных постройках – с. 234) повлек за собой искажение периодизации строительной деятельности, разработанной именно на основании изучения этих объектов¹¹.

В результате вместо критического рассмотрения гипотезы об основании Херсонеса как гераклеийской колонии в позднеархаическое время, действительно имеющей, с моей точки зрения, ряд несбалансированных звеньев, предложена новая. Она, однако, не учитывает реальных археологических данных и не пытается найти в истории Ольвийского полиса обстоятельства, которые могли бы оправдать внутреннюю колонизацию. Такие построения запутывают и излишне усложняют и без того непростую общую картину, а их тиражирование способствует формированию необъективной точки зрения и у других исследователей.

Последнее хорошо видно на примере статьи Дж. Хайнда «Мегарская колонизация в западной половине Черного моря (састринские и дочерние города Гераклеи)» (с. 131–152), в которой автор во многом следует рассмотренной выше гипотезе С.Ю. Сапрыкина, развивая ее далее. Оказывается, что ольвиополиты вместе с керкинитидами «первыми вошли в контакт с таврами в удобной гавани на берегу Карантинной бухты». «Ямы и углубленные жилища, которые в некоторых случаях могли быть небольшими карьерами для добычи камня для наземных структур, могли также принадлежать некоторым грекам из Керкинитиды и Ольвии и их таврским торговым партнерам» (с. 142). Согласно такому варианту, ольвиополиты пребывали в Херсонесе и в первой половине IV в. до н.э., т.е. спустя уже полстолетия после выведения туда гераклеийской колонии. Возникает вопрос – на каком основании сделан вывод о торговых отношениях Керкинитиды и Ольвии с таврами и что являлось предметом торговли? Такое заключение должно быть подкреплено материалом, поскольку мы располагаем информацией Геродота (IV. 103. 1, 3) об отнюдь не торговом характере контактов тавров с греками по крайней мере для V в. до н.э. Это было необходимо и в ревизии датировок находок, что в ряде случаев привело к откровенным ошибкам. Например, упомянутые ольвийские монеты серии Горгона – АРІХ автор датировал началом IV в. до н.э. (с. 143), попросту перепутав их с более поздней серией ольвийского литья, также содержащей на лицевой стороне Горгонеион. Трудно согласиться и с гипотезой о том, что первые колонисты могли поселиться на Маячном полуострове ранее, чем у Карантинной бухты (с. 147–148), – этому опять-таки противоречат данные археологии.

⁸ Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993.

⁹ Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 48–49.

¹⁰ Монета Ольвии, найденная в Афинах, датируется, правда, несколькими десятилетиями позднее (Kroll J.H. The Greek Coins // Athenian Agora. 1993. XXVI. № 433).

¹¹ Золотарев М.И. О двух строительных периодах в Северо-Восточном районе Херсонеса в IV в. до н.э. // Херсонесский сборник. Вып. VII. Севастополь, 1996. С. 44–46.

Статья С. Соловьева «Архаическая Березань: историко-археологическое эссе» (с. 205–225) посвящена памятнику, имеющему исключительно важное значение для изучения греческой колонизации Северного Причерноморья. Редактор сборника недалеко от истины, утверждая, что с большинством положений этой статьи согласиться трудно (с. 205). Автор полностью пересмотрел не только взаимоотношения раннего греческого поселения на о-ве Березань с варварским населением в период греческой колонизации, но и этно-демографическую ситуацию в районе Нижнего Побужья, а также в целом характер греческой колонизации региона.

Позиция автора состоит в утверждении о преимущественно варварском характере населения Березани, основанном на выводе о «более или менее постоянном контроле низовий Днестра и Буга со стороны племен лесостепной зоны междуречья Днестра и Днестра в начальный период греческой колонизации» (с. 207). Основываясь на заключении о том, что население лесостепного региона не было стабильным, автор делает вывод о сезонных миграциях населения из указанных регионов лесостепной зоны на зимние пастбища в Нижнее Побужье. При этом полное отсутствие каких-либо материальных остатков в виде стоянок объясняется полной береговой эрозией и частой сменой пастбищ (с. 207–208). Интересно, что несколькими строками ниже автор уже утверждает, что «очень немногие скифы в лесостепной зоне вели полностью кочевой образ жизни, только представители местной элиты» (с. 208). Параллель, проводимая автором между скифскими погребальными памятниками лесостепной и степной зоны, некорректна. Убедиться в этом можно, посмотрев на карту погребальных памятников VII–V вв. до н.э., переопубликованную Цецхладзе в рецензируемом сборнике (с. 25). Как видно, в Нижнем Побужье известно всего пять погребений, ни одно из которых, к тому же, не датируется VII – первой половиной VI в. до н.э. Скорее всего это должно свидетельствовать не о присутствии, а об отсутствии варварского населения в начальный период греческой колонизации в указанном регионе.

Искусственным представляется и разделение земляночных жилищ на греческие и негреческие только по наличию или отсутствию в них печей, очагов и сырцовых конструкций (с. 212–213). Такая методика классификации привела С. Соловьева к выводу, что во второй и третьей четвертях VI в. до н.э. население Березани состояло уже исключительно из варваров, поскольку как греческое атрибутировано лишь одно сооружение (с. 216), с чем также согласиться невозможно. Более того, «варварскими» становятся практически все составляющие материальной культуры, кроме кружальной керамики, и в первую очередь ремесленные изделия (с. 216–217). Неверно и утверждение о малом количестве греческих терракот (только из раскопок В. Лапина происходит около 50 экземпляров¹²), мнение об отсутствии культовых участков также опровергнуто недавним открытием теменоса с храмом¹³. Идею о значительном варварском присутствии, казалось бы, должны поддержать материалы березанского некрополя, однако небольшой процент погребений, принадлежавших негрекам, даже при том, что большая их часть датируется второй половиной VI в. до н.э.¹⁴, места для сомнений не оставляет, в связи с чем, вероятно, этот факт не упоминается автором. Неприемлемо и мнение о том, что для увеличения объема торговли с варварами в Нижнем Побужье в третьей четверти VI в. до н.э. основываются новые поселения, а к первой половине этого столетия относятся три из них – Бейкуш, Широкая Балка и Ольвия (с. 218). Поселения эти составляли сельскую округу Ольвийского полиса, а на Бейкуше находилось святилище, посвященное Ахиллу¹⁵, не имевшее ни малейшего отношения ни к варварам, ни к торговле с ними.

К действительно дискуссионным относится проблема конституирования полиса на Березани и в Ольвии и характера их взаимоотношений. Согласно мнению автора, Березань была полисом начиная с последней четверти VI в. до н.э., о чем свидетельствует в первую очередь наличие регулярной планировки (с. 218). Однако регулярная планировка не является показателем наличия полисных институтов – ею обладали и не полисы, и, наоборот, многие полисы никогда

¹² Русяева А.С. Терракоты с Березанского поселения (из раскопок В.В. Лапина) // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 129 сл.

¹³ Назаров В.В., Отрепко В.М. Відкриття теменоса Березанського поселення // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Київ, 1998. С. 37–38.

¹⁴ Если к категории варварских отнести скорченные погребения, то они не превышают 3–4% от общего количества раскопанных погребений (Копейкина Л.В. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981. С. 170).

¹⁵ Русяева А.С. Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. 22. С. 22–29; Буйских С.Б. Исследование Бейкушского поселения // АО 1985 г. М., 1987. С. 312–313.

не имели регулярной размежевки внутригородской территории. Кроме того, невозможно принять толкование поселения на месте Ольвии как наиболее северного наблюдательного пункта для защиты прибрежной зоны, служившей сельскохозяйственным нуждам Березанского полиса во второй половине VI в. до н.э. (с. 222). При всех существующих расхождениях во взглядах на политический статус Ольвии, в это время она представляла собой не поселение, а центр полиса с динамично формирующейся урбанистической (нерегулярной) структурой, монетной системой и сельской округой.

Основой экономики Березани автор считает торговлю и ремесло (с. 221). Представляется, однако, что роль торговли в экономике Березани не была стабильной – если для самого раннего этапа ее значение безусловно, то для второй половины VI в. до н.э. появление поселений хоры заставляет предполагать наличие определенных изменений в экономическом потенциале. Поэтому, с моей точки зрения, существование полиса, экономика которого базировалась бы на торговле с варварами и производстве ремесленных изделий, подчиненном этой же торговле, вряд ли было возможно.

Одним из путей решения указанных проблем является углубленный анализ различных категорий археологических находок, чему и посвящена статья М. Трейстера «Иония и северопонтийский регион. Архаическая металлообработка: традиция и инновация» (с. 179–199). Рассмотрение литейных форм, происходящих из архаических слоев различных памятников Северного Причерноморья, включая Березань, и их сопоставление с синхронными материалами из Малой Азии позволили автору обосновать вывод о принадлежности этих форм не скифским, а ионийским ремесленникам, принимавшим участие в колонизационном движении (с. 189–191).

В небольшой статье Дж. Бордмана «Ольвия и Березань: ранняя керамика» (с. 201–204) рассмотрена проблема доколониционных контактов с северо-западным регионом Понта. Полемика со сторонниками гипотезы о проникновении сюда греков до 700 г. до н.э. привела автора к необходимости уточнения датировок самых ранних керамических фрагментов, найденных на Березани и в Ольвии. Это действительно существенно, так как сосуды VIII в. до н.э., хранящиеся в Эрмитаже и, добавлю, в Одесском археологическом музее¹⁶, не имеют документированных паспортов, свидетельствующих об их находке на Березани. Но согласиться с тем, что наиболее ранняя керамика, найденная на Березани и в Ольвии, датируется временем не ранее 630 г. до н.э. (с. 202), можно лишь отчасти. Коллекции восточногреческой керамики из этих памятников несопоставимы – единственный фрагмент, датирующийся последней четвертью VII в. до н.э., происходит из Ольвии и сотни – из Березани, где они представляют массовый материал. Наиболее ранние единичные фрагменты из Березани датируются от середины VII в. до н.э.¹⁷ Для Ольвии датировка массовых керамических материалов отодвигается уже к концу первой – началу второй четвертей VI в. до н.э.¹⁸ Поэтому утверждение, что «даты основания обоих памятников очень близки, возможно, слишком близки, чтобы установить археологически» (с. 202), не соответствует имеющимся археологическим данным – разница между ними составляет, как минимум, полстолетия.

Статья Ю.Г. Виноградова «Греческая колонизация черноморского региона в свете частных свинцовых писем» (с. 153–170) содержит публикацию новых документов, свидетельствующих о существовании рабов в северопонтийских центрах в архаическое время и, как справедливо отметил автор, содержащих наиболее раннее подтверждение контактов между понтийскими колониями. Не менее интересно, что практически все имеющиеся к настоящему времени ранние свидетельства об использовании рабов связаны с северо-западным регионом. Эпиграфический анализ публикации – удел специалистов. Отмечу только, что вряд ли однозначно можно принять объяснение причин вывоза раба из Борисфена в Фанагорию его высокой квалификацией, равно как и характером колонизации последней (с. 163).

Статья Д. Браунда «Письменное и вновь открытое происхождение колоний: проблемы от Колхиды до Боспора» (с. 287–296) посвящена проблеме литературных свидетельств о греческой колонизации. Автор на конкретных примерах продемонстрировал сложность современной интерпретации источников, которые для архаического времени представлены в основном устной мифологической традицией или краткими фрагментами более поздних поэтических произведений. При их анализе необходимо учитывать не только те условия, в которых эти

¹⁶ Эту информацию мне любезно предоставил С.Б. Охотников.

¹⁷ *Ильина Ю.И.* О новых находках восточногреческой керамики на острове Березань // *ΣΥΣΤΙΤΑΙ*. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 201–209.

¹⁸ *Крапивина В.В., Буйских А.В.* Предварительные итоги исследования юго-восточной части верхнего города Ольвии (1982–1996 гг.) // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Материалы Международной конф. Одесса, 1997.* С. 123.

произведения создавались, но и в целом менталитет создававшего их народа. В статье Д. Ашеро «Ахейцы и гениохи: отражение происхождения и истории греческих риторических топонимов» (с. 265–285) проанализированы письменные источники, содержащие сведения о происхождении двух народов, обитавших на восточном побережье Черного моря. Интересны выводы автора об отношении античного общества к проблеме варваризации эллинов как культурному явлению. Пример ахейцев и гениохов, оказавшихся отрезанными от контактов с родиной и – в результате – ассимилировавшихся с варварами, в этом плане является наиболее показательным, поэтому и прошел красной нитью в качестве дидактического примера сквозь всю античную литературную традицию.

Статья А. Иванчика «Основание Синопы и проблема начальной фазы греческой колонизации черноморского побережья» (с. 297–330) построена на анализе письменных источников. Синхронизация сведений Псевдо-Скимна и Евсевия об основании колоний с событиями переднеазиатской истории, связанными с вторжениями кочевников, позволила автору провести границу между мифологическими и реальными историческими событиями. Интересен вывод об отсутствии двойного основания южнопонтийских городов – гипотеза о начале колонизации в середине VIII в. до н.э. лишается и археологической основы, и базы в виде литературной традиции. Однако предложенный метод определения начальных дат таит в себе опасность их «нестыковки» с археологическими данными. Согласно автору, основание Синопы и Истрии следует синхронизировать не с «олимпийскими» датами Евсевия, а с вторжением кочевников в Азию и отнести эти события к началу последней четверти VII в. до н.э., допуская, впрочем, для Истрии несколько более раннюю дату (с. 329). Однако если для Истрии поступление массового материала датируется временем от 630-х годов, то для Синопы, учитывая невысокую археологическую изученность памятника в настоящее время, они определяются пока концом VII – началом VI в. до н.э. (с. 330). По археологическим данным Истрия надежно синхронизируется с Березанью¹⁹, причем даты основания обоих памятников не намного отличаются и у Евсевия.

В целом рецензируемый сборник оставляет неоднозначное впечатление. Повышенный интерес к черноморской проблематике, наблюдаемый в последнее десятилетие, рождает и спрос на публикации, дающие представление о современном состоянии проблем. В этом плане ряд статей сборника вызывают безусловный интерес, причем, как правило, это касается работ, построенных на анализе письменных источников, чего нельзя сказать о работах, в основу которых положены археологические данные. Поэтому сборник хорошо демонстрирует не только сложность современных исторических реконструкций, но и необходимость корректного отношения к данным археологии. Не случайно это относится к большей части работ, посвященных Северному Причерноморью – региону, в настоящее время самому богатому разноплановыми памятниками периода колонизации и археологически лучше всего исследованному. А поскольку результаты и материалы этих исследований в последнее время «стали очень популярны среди западных исследователей» (с. 7), то многочисленным археологам, добывающим их, как мне представляется, далеко не безразлично, как они при этом на Западе интерпретируются.

А.В. Буйских

© 2002 г.

Esclavage, Guerre, Économie en Grèce Ancienne. Hommage à Yvon Garlan. Textes réunis par P. Brulé et J. Oulhen. Rennes, Presses Universitaires de Rennes. 1997, 250 p.*

Рецензируемый сборник посвящен известному французскому исследователю истории античного мира, член-корреспонденту Академии надписей и изящной словесности Ивону Гарлану. Насколько можно понять из несколько туманно написанного Введения (авторы П. Брюле и Ж. Улэн), поводом для создания этого сборника послужил уход И. Гарлана в отставку с поста профессора Университета Ренн-2. Помимо Введения, в сборнике есть еще Предисловие (с подзаголовком «Визит к другу»), автором которого является известный историк-медиевист

¹⁹ *Alexandrescu P. La céramique de Grèce de l'Est dans les cités Pontiques // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris – Naples, 1978. P. 52–61.*

* Рецензия написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 00-01-00208а.